

**«ДРУГОЙ-ДЛЯ-МЕНЯ» М.М. БАХТИНА
И «БЫТИЕ-ДЛЯ-ДРУГИХ» Ж.-П. САРТРА:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

Тема Другого возникла еще в античности. И. И. Лапшин в монографии «Проблема “чужого Я” в новейшей философии» пишет, что «проблема “чужого Я” имплицитно <...>, в “неопознанной” форме решалась и решалась весьма различно еще в древней философии. Несомненно, что ее решение “подразумевалось”, хотя и в смутной форме, и в нигилистическом взгляде на мир софистов, и в материалистическом учении Демокрита, и в учении Платона об отношении индивидуальных сознаний к мировой душе» [7, с. 6–7]. Действительно, проблема Другого решалась у стоиков, софистов, Демокрита, Платона. Оппозиция «тождественное – иное» получает разработку уже у Парменида; Платон в «Софисте» разрабатывает систему категорий, в которую вместе с Бытием, Тождественным входит и Иное. В трудах М. Монтеня, Ф. Бэкона, Р. Декарта, П. Гассенди, Т. Гоббса, Дж. Локка, Г. В. Лейбница, Д. Юма и других содержится проблема Другого в различных аспектах: влияние Другого на конституцию моего собственного сознания и внутреннего мира, проблема существования индивида в обществе (с Другими), изоляции индивида от Других и невозможность «подлинного» общения (С. Кьеркегор), проблема Бога как Другого (Я. Беме) и т.п.

В Новейшем философском словаре Другой определяется как «понятие философии 20 века, фиксирующее <...> опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей, тем не менее, Иное по отношению к Я» [8, с. 226]. То есть понятие Другой указывает на некую сущность, по отношению к которой оно является Другим. Понятие такой сущности и отправной точки есть понятие Я. Следовательно, Другой – это то, что не есть Я, но, однако, представленное в отношении ко мне.

Необходимо отметить, что Другой давно уже вышел за пределы сугубо философского дискурса. Так, например, А. М. Пятигорский полагает, что Другой и «свое» являются понятиями «литературной философии» [11]; для М. В. Тлостановой, исследующей концепции культурной многосоставности и разнообразия, инаковость и Другой являются их неотъемлемой частью, поскольку «мультикультурная персона множественна, совмещает в себе различные текущие идентичности» [13, с. 267].

Категория Другого используются теоретиками большого количества школ и направлений. Проблема исследовалась и исследуется в различных дисциплинах – герменевтике (М. Хайдеггер, Г. Гадамер), теории права (Дж. Ролз), семиотике, логике, психоанализе, теории речевых актов, эстетике (Х. Яусс, А. В. Аксенов), социологии (Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, Э. Тоффлер), теории коммуникации (Х. Парре, М. Даммит, К. Бюлер, Т. Себеок) и т.п. Политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует

рассмотрения Другого-внутри-себя; Другой подвергается интерпретации и в литературоведческой практике. Нельзя не согласиться с мнением И. Кнеллер, что «в этой многогранности [во взаимоотношениях Я и Другого. – Д.П.] размещается широкое пространство не только для философских спекуляций, но и для литературной игры» [6, с. 444].

Заметный вклад в разработку проблематики Другого внесли русские философы. В их трудах наиболее полно представлен этический аспект проблемы Другого, проблема Другого как носителя принципа нравственности, объединяющего всех индивидов, проблема общения с Другим как с «Другим в Боге» и путей достижения подлинного общения – В. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Л. Франк, М. М. Бахтин и др.

Как указывает Ю. Хабермас, «идеи уникальности индивида, постоянного выбора собственной идентичности приводят в дальнейшем, при появлении темы коммуникации, к представлению, согласно которому идентичность невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» [цит. по: 1, с. 8]. В высказывании Ю. Хабермаса заключена идея о том, что человек находит себя вне самого себя. Личность конституируется в непрерывном общении с внешней по отношению к нему средой обитания, существенным элементом которой является другая личность. Человек для раскрытия и развития собственных сил, для формирования себя в качестве личности, должен выйти за пределы самого себя, то есть вступить в интерсубъективные отношения диалога-коммуникации. Отношение к Другому является фундаментом межличностной коммуникации. Совершенно верно отмечает по этому поводу психолог А. Е. Шерозия, что, «относясь к другому, личность не только оценивает себя и свои возможности, но и удостоверяется в <...> своей самостности» [14, с. 82]. Главной составляющей человеческого существования является диалог.

Наиболее адекватное воплощение этот круг идей нашел в работах выдающегося русского литературоведа и представителя философии диалога М. М. Бахтина. Понятие «Другой»¹ является ключевым для его творчества. По М.М. Бахтину, подлинное Я всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с Другим(и). М. М. Бахтин настаивал на том, что без Другого субъект не может иметь знания ни о себе, ни о мире: «подлинная жизнь личности, – пишет автор, – совершается как бы в точке <...> несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие» [4, с. 100]. М. М. Бахтин задает вопрос «Кто такой я?». Субъект ничего не может сказать о себе, не соотнеся себя с Другим. Действительно, когда человек сосредотачивается на себе, направляя на себя все свое сознание, то, как пишет русский литературовед и философ, возникает феномен самосознания: «здесь появляется нечто абсолютно новое: надчеловек, над-я, то есть свидетель и судья *всего* человека (*всего я*),

¹ Когда М. М. Бахтин говорит о Другом, он имеет в виду не только «ты», иного субъекта. Другость, т.е. наличие самых разнородных свойств, качеств, задатков, обнаруживается и в самом человеке.

следовательно, уже не человек, не я, а *другой* [курсив автора. – Д.П.]» [2, с. 342].

Другой вводится М. М. Бахтиным уже в работе «К философии поступка». В этой работе Другой рассматривается в качестве еще одного субъекта, который, как и Я, обладает своей единственностью.

С литературоведческой точки зрения больший интерес представляет работа М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности». Здесь Другому присуща способность компенсировать и дополнять ограниченное видение Я. Подобная способность Другого происходит из его «вненаходимого» места по отношению к позиции Я: когда Другой находится вне Я, он может видеть и знать то, чего я не могу видеть с моего места и, благодаря этому «избытку видения» и знания, Другой может дополнить ограниченное видение Я и создать целое Я. Для обозначения этой особенности М. М. Бахтин употребляет понятия «вненаходимость» и «избыток видения».

«Вненаходимость» выражается в различии жизненных местоположений, благодаря которому «здесь» для меня может быть «там» для Другого. М. М. Бахтин полагает, что автор знает все, что знает его герой и еще больше. Это знание делает автора «вненаходимым». М. М. Бахтин говорит об «абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст» [3, с. 116]. И здесь в качестве Другого М. М. Бахтин рассматривает автора².

Автор как субъект творчества является представителем области культуры, в которой конструируется и протекает жизнь героя. Здесь большую роль играет его «вненаходимая» позиция в качестве Другого. Благодаря своей «вненаходимости», он обладает «избытком видения» и может завершить жизнь героя, который изнутри себя никогда не сможет завершиться, и поэтому не может иметь единую форму без помощи Другого. Автор находится вне героя и благодаря этой позиции он обладает «избытком видения» по отношению к герою. Этот избыток видения позволяет автору создать образ целого героя и события и придать ему завершенную форму. Исследуя творчество Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин полагал, что его герой не является лишь моментом самореализации автора. Он вводится в художественный мир не для того, чтобы помочь автору видеть и завершать свою жизнь, а для того, чтобы показать и доказать свою неповторимую единственность, свое Я, которое независимо и отлично от автора. Поэтому в героях Ф. М. Достоевского важна не близость автору, а дружба: «герой для автора не “он” и не “я”, а полноценное “ты”, то есть другое чужое полноправное “я”» [5, с. 270].

М. М. Бахтин развивает свою диалогическую концепцию, опираясь на произведения Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский представляет читателю своих героев совершенно особым способом: писатель дает героям самим высказать себя, свое видение других людей и себя самих среди людей. Читатель

² Понятие «автор» у М. М. Бахтина может означать любого человека.

не столько «видит» героев, сколько слышит их. Таким образом Ф.М. Достоевский создает полифонию (многоголосие), и его задача – сводить героев друг с другом в «большом диалоге» в мире произведения.

Рассматривая основные моменты эстетической деятельности, М. М. Бахтин отмечает три главных:

1. Я (художник) вживаюсь в жизнь Другого;
2. Я возвращаюсь в себя и на свое место вне этого Другого;
3. Я создаю произведение, т.е. оформляю и завершаю материал вживания.

Так производится художественная действительность, которая является целью эстетического творчества, которое связано с признанием Другого.

Концепция М. М. Бахтина дополняется сартровской, так как оба в своем творчестве создают близкие понятия. У М. М. Бахтина: «Я-для-себя», «Я-для-другого», «Другой-для-меня»; у Ж.-П. Сартра: «Бытие-в-себе», «Бытие-для-себя», «Бытие-для-других». Общим для обеих концепций является то, что человек не может уйти от контакта, от соприкосновения с Другим. Однако по убеждению Ж.-П. Сартра, межличностные отношения изначально конфликтны.

Человек стремится к тому, чтобы Другой признал факт его свободы. Ж.-П. Сартр видит ущербность человека именно в существовании Другого. Человек воспринимает взгляд Другого как овеществление, отчуждение собственных возможностей. Обнаруживаемый Другой рассматривается как другой субъект, такой же, как Я, который вместе со мной претендует на то, чтобы быть центром мира. Встреча с Другим ощущается как потеря мною центра мира, что воспринимается как «*дезинтеграция* отношений, которую я воспринимаю между объектами моего универсума [курсив автора. – Д.П.]» [12, с. 278]. Следовательно, по Ж.-П. Сартру, Другой – это тот, кто дезинтегрирует мой мир: «появление среди объектов *моего* универсума элемента дезинтеграции этого универсума я и называю появлением *определенного* человека в моем универсуме [курсив автора. – Д.П.]» [12, с. 278].

Ж.-П. Сартр излагал свои взгляды не только лишь в системе философских категорий; он обращался непосредственно к художественным средствам: «все, что я написал, – признавался он, – это одновременно философия и литература, не противоречащие друг другу, и каждый данный элемент одновременно литературный и философский, как в романах, так и в критических работах» [цит. по: 10, с. 109–110]. Основные взгляды Ж.-П. Сартра полнее всего раскрыты в труде «Бытие и Ничто». Здесь Другого можно обнаружить посредством взгляда: «быть рассматриваемым – значит постигать себя как неизвестный объект непознаваемых оценок, в частности ценностных суждений. Но как раз в то же самое время через стыд или гордость я признаю достаточную обоснованность этих оценок» [12, с. 290]. Для того, чтобы стать «бытием-для-себя», Я должен получить признание своего бытия от Другого, ибо, по Ж.-П. Сартру, путь внутреннего мира проходит через Другого. Исходя из концепции Ж.-П. Сартра, когда Другой смотрит на меня, то он является источником определенного вида моего бытия – бытия-для-другого. Ж.-П. Сартр также отмечал, что стыд рождается под взглядом Другого; я стыжусь себя

такого, каким являюсь Другому. Под взглядом Другого я становлюсь объектом, но и Другой становится объектом под моим взглядом. Тревожит то, что субъект видит, что Другой знает о нем. Опасность в интерпретации Ж.-П. Сартра представляет собой такую ситуацию, когда под взглядом Другого субъект ощущает, что тот владеет им: «это владение есть не что иное, как сознание обладания мной» [12, с. 380].

Быть средством Другого, не зная о его намерениях, представляет собой опасную ситуацию. Поэтому человек всегда озабочен тем, каким он выглядит в представлении других людей. Отсюда желание выглядеть лучше, оправдать ожидание Другого. В свою очередь, Другой также пытается освободиться от взгляда субъекта, отстоять границы своей свободы.

Таким образом, для Ж.-П. Сартра ситуация взаимодействия с Другим происходит в форме конфликта, причем конфликт неизбежен, так как отношения равенства, как считает Ж.-П. Сартр, невозможны: конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого.

То, что в философских рассуждениях Ж.-П. Сартра обретало обобщенный характер, в художественном творчестве оживает, наполняется множеством значений и характеристик. Написанная в 1943 г. пьеса «За закрытой дверью», кажется, является пособием по теме «Других». «За закрытой дверью» иллюстрирует идею: «Ад – это Другие». Темой пьесы являются отношения с Другими. Выясняется не сразу, что место действия пьесы – ад и что действующие лица – покойники. Жизнь человека не прерывается смертью, а продолжается и после нее, точнее продолжается адский кошмар существования людей, ибо это существование – существование с Другими. Ад заключен в других обитателях комнаты. Следовательно, спасение состоит в том, чтобы это общение прекратить. Однако такое простое решение оказывается невыполнимым, ведь все они люди, и Другой необходим каждому для самосознания, для конституирования своего внутреннего мира.

Итак, проблема Другого в интерпретации Ж.-П. Сартра (как в литературоведческой, так и в философской практике) открывает для субъекта другой способ существования. Только с открытием бытия-для-другого человеческая реальность оформляется, по мысли автора, в законченную структуру для-себя-для-другого. Если М. М. Бахтин видел в Другом путь, ведущий к диалогу, то Ж.-П. Сартр видел в Другом то, что отбирает свободу. При этом у Ж.-П. Сартра «подлинное бытие <...> возможно лишь как “бытие-с-Пьером” или “бытие-с-Анной”», то есть «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» [цит. по: 9, с. 342].

Библиография

1. Алексеева, Д. А. Концептуализация Другого в онтологии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Д. А. Алексеева. – Москва, 2005. – 146 л.
2. Бахтин, М. М. Из записей 1970–1971 годов / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр.; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – С 336–360.

3. Бахтин, М. М. Искусство и ответственность; К философии поступка; Автор и герой в эстетической деятельности; Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин; коммент. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – Киев: Фирма «Некст», 1994. – 384 с.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 3-е изд. – М.: Худож. лит., 1972. – 470 с.
5. Бахтин, М. М. Проблемы творчества, поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – 5-е изд., доп. – Киев: Фирма «Next», 1994. – 509 с.
6. Кнеллер, И. Сопоставительное прочтение романов «Пятница, или Тихоокеанский лимб» Мишеля Турнье и «Остров накануне» Умберто Эко. Проблема читателя как литературная интерпретация философского понятия «Другой» / И. Кнеллер // Теоретико-литературные итоги XX века: в 5 т. / Рос. акад. наук, ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; редкол.: Ю. Б. Боров (гл. ред.) [и др.]. – М.: Практис, 2005. – Т. 4: Читатель: проблемы восприятия / С. А. Макуренкова (отв. ред.) [и др.]. – С. 442–449.
7. Лапшин, И. И. Проблема “чужого Я” в новейшей философии / И. И. Лапшин. – СПб.: Сенатская тип., 1910. – 192 с.
8. Майборода, Д. В. Другой / Д. В. Майборода // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. – С. 226–227.
9. Можейко, М. А. Другой / М. А. Можейко, Д. В. Майборода // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск: Кн. дом, 2003. – С. 342–343.
10. Полторацкая, Н. И. Меланхолия мандаринов = La melancolie des mandarins: Экзистенциалист. критика в контексте фр. культуры / Н. И. Полторацкая. – СПб.: Алетейя, 2000. – 415 с.
11. Пятигорский, А. М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии / А. М. Пятигорский // Избранные труды. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 264–270.
12. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменол. онтологии / Ж. П. Сартр; пер. с фр. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 638 с.
13. Тлостанова, М. В. Мультикультурализм / М. В. Тлостанова // Западное литературоведение XX века = Western Literary Criticism of the XX-th Century: энциклопедия / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. науч. ред. Е. А. Цурганова. – Москва: Intrada, 2004. – С. 266–268.
14. Шерозия, А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное = Psychics. Consciousness. Unconsciousness: К обобщ. теории психологии / А. Е. Шерозия. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 171 с.